

Писсаро – головорез и убийца, обманом, огнем и мечом загонявший этих людей под испанскую корону – ныне причислен католической церковью к лику святых, и аборигены вынуждены ему поклоняться.

Батый много сделал для становления и консолидации русских, он нас невольно продвинул, потому что нас может продвинуть только крайняя опасность, но тем не менее русская церковь вряд ли будет даже рассматривать вопрос о канонизации Батыя, хотя он и был величайшим полководцем древности.

Проезжая сотни километров по прериям, мы восхищались прекрасными закатами, стадами местных мексиканских коров. Интересно, что коровы в разных частях земного шара сильно отличаются друг от друга, в этом видимо сказывается климат и специализация выведения породы. Мексиканские коровы, покрытые мелкой, мышастой шерсткой, костлявые и длинноухие. Под гигантскими отдельно стоящими деревьями в их тени порой помещались целые стада этих вечных спутников человека. Вдоль дороги порой десятками километров росли огромные манговые деревья, увешанные крупными плодами то синего, то желтого цвета. Да вот беда, эти плоды можно снять только с автовышки, потому что они висят как новогодние игрушки на кончиках ветвей, и достигаемы, наверное, только для птиц. Однажды мы увидели какое-то удивительное яркое мельтешение и остановились. Тысячи, миллионы огромных роскошных бабочек как бы купались в солнечном свете, переливаясь яркими цветами. Я схватил фотоаппарат, но увы – все это великолепие роилось над тривиальной помойкой. К сожалению, на фоне роскошной растительности большое количество мусо-

ра при здешнем климате вызывало досаду и раздражение. Поселки, которые мы проезжали, тоже были слишком неказисты. В центре каждого поселения есть что-то вроде площади с костелом и примитивным кафе-баром с навесом на открытом воздухе. Когда случается праздник, а их в Мексике множество, эти скромные навесы украшаются нитками с треугольными флажками, и незатейливый праздник уже готов. Женщины майя величественно прохаживаются по главной улице с неизменными тазиками на голове, полными кукурузы. Оказывается – у них особый ритуал, в определенное время приедешь совершить променады из дома до мельницы, посудачить на площади и вернуться домой с мукой, из которой делают лепешки, заменяющие хлеб, поэтому они одеты нарядно в белоснежные национальные платья.

Есть деревни, где живут шаманы. Они на вид вполне цивилизованные люди, и этот древний ритуал под воздействием потока туристов сильно коммерциализирован. Несмотря на это, мы прошли его на полном серьезе и не без трепета. Шаман раздев меня до пояса и приговаривая какие-то за-

клипания, приплясывая и подвизгивая отхлестал меня каким-то мокрым веником, таким пахучим и с запахом, не похожим ни на что, когда либо мною нюханное. В знак полной защиты от злых сил дается специальный жетон с тайными символами, который надо носить всегда при себе, и его никто не должен видеть. Заклинания действуют один год. Я так и сделал, и целый год прошел относительно спокойно в нашем беспокойном мире.

Волны мексиканского залива манили и заманили нас испытать себя в дайвинге. Мы прошли короткий инструктаж на испанском языке, из которого я уловил только малую часть, затем нас посадили на мощный катер, который увез группу туристов далеко от берега в открытый океан. Все новички по веревке должны были опуститься на глубину метров пятнадцати и совершить двадцатиминутную прогулку, почти на полный ресурс акваланга. На борту все говорили по-французски, а нырять должны были двое русских и американцы. Как оказалось, я не понял самого главного – надо делать глотательные движения при погружении и по канату спускаться все ниже и ниже. Инструктор мне что-то показывал языком жестов, а я, не понимая самого главного, пытался погружаться на глубину, испытывая жуткую боль в ушах. Его жесты мне ничего не говорили, и становились все непристойнее, глядя, как я пытаюсь и не могу двинуться дальше от боли в ушах. Наконец я случайно слотнул и легко оказался уже на дне. Пережитый только что кошмар момен-

тально забылся, вытесненный покоем и невесомостью. Тишина и умиротворение подводного мира, переливающегося как перламутр в лучах света, полностью меня поглотили, и я вполне нормально отплавал с инструктором и пятью новичками все двадцать минут. Мне казалось, что мой позор при погружении был виден всем, но оказалось, что больше половины американцев – молодых парней и девушек, так и не смогли погрузиться и позорно ждали на судне нашего возвращения. Вдобавок в результате нешуточной болтанки их почти всех постоянно тошнило, а мы все это время блаженствовали в полной невесомости в волшебном мире, где кажется, что рыбы и растения – это игра водных бликов. Было ощущение, что если мы состоим на 70% из воды, то существа подводного мира состоят из нее на все 99.

Мы приехали в Канкун – фешенебельный город-курорт,

построенный на побережье мексиканского залива с длинным молом, одной стороной обращенным к морю, другой – пресноводному озеру. Роскошные отели, широкие автострады, клубы и рестораны – все сделано с размахом и рассчитано прежде всего на богатого, американского, туриста. Этот город, полный сытой, праздной публики, роскошных машин, лакеев, швейцаров, газонов и нарочитой помпезности был до ужаса не интересен своей одинаковостью с аналогичными курортными местами по всему миру. По-прежнему тянуло в джунгли, к забытым камням, загадочным пирамидам, ставшим аттракционами для развлечения жующих туристов, мало интересующихся загадками прошлого. Они охотно карабкаются по высоким крутым ступеням пирамид, снуют то здесь, то там, и со стороны похожи на полчища тараканов.

Любопытно, что подняться вверх пирамиды довольно легко. Ступени высоки и круты, но, помогая себе руками, восхождение происходит легко. Но вот спуск вниз – это проблема. Я видел бьющихся в истерике американок, которые не могли спуститься вниз из-за нешуточной высоты и крутизны при отсутствии перил. Галантные американцы их пытались нести на руках, и это было еще более неуклюже и комично. Некоторые люди сидели на вершине часами, впитывая окружающий пейзаж с руинами, просматриваемыми сквозь выжженную растительность.

Наш гид был не сильно искушен в русском языке, он был мексиканец, учился на авиационного инженера в Риге и был женат на якутке из Хатанги. Говорил, что они счастливы, и его якутка очень довольна, что сменила полюс холода на мексиканский зной, порой, как мне казалось, совершенно невыносимый, хотя полюс холода тоже, наверное, не сахар. На ломаном языке он рассказывал нам об исторических событиях и драмах, происходивших на этих древних землях, и за долгие дни путешествия по стране мы подружились, и было интересно представить этого мексиканца с красивыми испанскими чертами рядом с нашей якуткой, и представлять, какие у них, наверное, удивительные дети, и еще раз убеждаться, как тесен наш мир со всеми его народами и привычками.

